

Покоренная природа. Коренное население и эксплуатация земли в советской и постсоветской России в романах *Прощание с Матерой* Валентина Распутина и *Зона затопления* Романа Сенчина

Надя Каприольо (Туринский университет)

В данном эссе предполагается проанализировать в русле экокритики два романа, написанных с разрывом почти в сорок лет двумя русскими писателями, уроженцами Сибири: *Прощание с Матерой* Валентина Распутина (1976) и *Зона затопления* Романа Сенчина (2015). Романы представляют собой эмблематический случай для изучения с точки зрения диахронического анализа того, как советская и постсоветская литература рассматривают тему строительства крупных искусственных водохранилищ и вызванные этими действиями экологические и социальные последствия.

Согласно Huggan и Tiffin (2010: 49), а также благодаря Arundhati Roy и ее отрицанию масштабных проектов гидроэлектростанций на реках Индии, описанной в эссе *The Cost of Living* (1999), осмысление строительства крупных плотин стало интересной и увлекательной темой в литературе. В России этой проблемы уже в семидесятые годы прошлого века наиболее активно занялся представитель так называемой “деревенской прозы” писатель Валентин Распутин. В наши дни к этой проблеме вернулся современный автор – Роман Сенчин, принадлежащий к группе писателей “нового реализма” (Пустовая 2005). Оба эти произведения являются ярким примером литературы, внесшей значительный вклад в “глобальную сенсификацию осведомленности” (Huggan, Tiffin 2010: 30, перевод мой).

Рассмотрим эти два романа с точки зрения оценки кризиса окружающей среды, вызванного волонтаристским вмешательством человека в природу. Остановимся на двух важных предпосылках. Первая относится к недавнему возвращению в Россию литературы, отражающей исторические и гуманитарные аспекты настоящего и размышления о будущем развитии страны. В русской литературе конца XX века доминирует постмодернизм. Произведения этого направления вобрали в себя негативные эмоции, вызванные существованием страны в условиях кризиса. В центре таких произведений – герой с его *навязчивой* идеей солипсизма, часто доведенной до абсурда и черного юмора. Период “постсоветского траура” (Etkind 2013: 66-67), можно сказать, символически закончился в 2007 г. культовым романом Михаила Елизарова *Библиотекарь*, рисующим трагическую картину постсоветского поколения, потерянного в российском современном обществе. В течение последнего десятилетия русская литература, под влиянием

социально-культурных и психологических изменений общества, вступила в новый этап, который характеризуется преодолением дуализма, разделяющего внутренний мир героя и окружающую действительность, субъект и объект, как типичные явления, характерные для постмодернизма. Можно добавить, что в этот период на русской литературной сцене появляются писатели из отдаленных районов, таких как Кавказ, Урал, Сибирь. Они пишут о местных проблемах, “посредством слова отражая экологический кризис в своих романах” (Iovino 2015: 7, перевод мой).

Вторая предпосылка – геополитическая, связанная с неравномерной плотностью населения в России. Области, расположенные к востоку от Уральских гор, занимают около трех четвертей территории страны, при том что процент жителей Сибири и Дальнего Востока составляет лишь 21 процент от общего населения (ср. Bressler 2009: 11). Наиболее важным последствием этого основного географического фактора является то, что, находясь на западе от Уральских гор, социально-экономический центр тяжести порождает пропасть между наиболее густонаселенным и экономически более развитым Западом и менее населенным, периферийным, маргинальным, но богатым природными ресурсами Востоком. В связи с этим, понятие “постколониального района” или “периферии империи”, используемое Homi Bhabha в *The Location of Culture*, создает идеальные рамки, в которые вписывается проблема постсоветской периферии (ср. Bhabha 1994: 170, 240). Более бедная экономическая и культурная периферия поставляет богатства и сырье по недорогой цене в более богатую и более цивилизованную центральную часть страны, со всеми вытекающими отсюда серьезными последствиями для окружающей природной среды.

В то время, когда еще не было широко распространено понятие экологических литературных текстов (*Ecocriticism*), в Советском Союзе некоторые ученые и писатели уже проявляли интерес к изучению “взаимосвязей между природой и культурой, и, в частности, культурных ценностей в языке и литературе” (Glotfelty 1996: XIX, перевод мой). В 1979 г. Дмитрий Лихачев (1985: 51) говорит об “экологии культуры” (*культурная экология*), которая тесно переплетена с экологией природной среды, подкрепляя символическое этическое толкование реальности. Важность экологизма в советской эпохе, и уже затем в России, заключается в ее коннотации политического протеста. Экологическая тема вписывается в дискурс внутренней колонизации, рассматривая власть и ее проекты, в том числе бессмысленного использования природных ресурсов, как чуждые русскому народу (ср. Разуvalова 2015: 286).

На этом основании можно считать, что два рассматриваемых нами романа объединяет общая тема: рядом с сибирской деревней идет строительство на реке гидроэлектростанции, в результате которого деревня будет затоплена и ее жители вынуждены будут покинуть насиженные места.

Река – Ангара, самый крупный приток Енисея и единственная река, вытекающая из озера Байкал. Гидроэлектростанции – легендарная Братская ГЭС (Распутин), построенная в Иркутской области между 1954 и 1967

годами, и Богучанская ГЭС (Сенчин) в Красноярском крае, “гидроэлектростанция двух эпох”, строительство которой началось в 1974 г. и завершилось в 2014 г., после того как в начале девяностых годов оно было оставлено и возобновилось только в 2006 г. (Сенчин 2015: 7). Роман Сенчина - своего рода ремейк романа Распутина, которому он и посвящён.

Эти две крупные электростанции были спроектированы специально для энергоснабжения алюминиевого завода. Об их масштабе говорит то, что для строительства Богучанской гидроэлектростанции были затоплены около 1500 км² земли, из них – 300 км² пахотных земель и 1200 км² лесов¹. Подобное вмешательство в природу не могло не повлечь за собой не только экологическую, но и социальную катастрофу (ср. Vogel 2011: 144). Подчеркнув, что в зонах затопления экосистема подвержена тотальным изменениям, оба автора фокусируют внимание на сакральности самой реки и на деревнях, рассматривая их как древние памятники, как хранителей микроэкономических ресурсов и культурных традиций, передаваемых из поколения в поколение.

И Распутин и Сенчина не оставляют равнодушными жертвы гигантских строек, их сломанные судьбы, которые никого не интересуют (Распутин 1978: 56; Сенчин 2015: 158). Принудительное переселение людей стало главной целью этического дискурса двух писателей. Зоны затопления затрагивают десятки населенных пунктов, жителей которых (тысячи людей) принудительно переселяют в соседние деревни или в новые города, наскоро построенные в неподходящих местах, вдали от реки, открытые ветрам, лишённые защиты гор и тайги (Сенчин 2015: 191). Детальное описание процесса переселения начинается с описания разрушения колодцев с питьевой водой для того, чтобы иметь формальную возможность признать деревни непригодными для жизни (Сенчин 2015: 234-235), и заканчивается сожжением частных домов и общественных зданий, что обрекает жителей на медленный переход к состоянию небытия (Распутин 1978: 37, 79). Разделение семей и удар по социальным отношениям, потеря истории и географии в то время, когда все казалось прочным, единым и вечным, описаны с глубокой болью (Распутин 1978: 183-185; Сенчин 2015: 193-194). Названные авторы прибегают к типичным стратегиям литературного повествования для описания травмы (Caruth 1996; Concilio 2016: 28). В обоих романах главная героиня – пожилая женщина, которая, оказавшись свидетелем чужой трагедии, страдает от страха незащищенности, от утраты, от языкового барьера, вызванного непониманием чужого говора (Распутин 1978: 51; Сенчин 2015: 196).

Различия между двумя романами связаны с изменением политической ситуации в России. Распутин пишет в советские времена. В СССР главной целью была индустриализация, и природная среда воспринималась исключительно как источник ресурсов. Сергей Залыгин в *Экологическом романе*

¹ ПАО Богучанская ГЭС <<http://www.boges.ru/gidrostantsiya/istoriya-stroitelstva>> (последний вход: 19.02.18)

(1993) отмечает, что в советской репрессивной логике природа составляла часть системы ГУЛАГа: природа подвергается насилию, как и заключенные, которые рабски трудятся на так называемых ‘ударных’ стройках, возводя дамбы, прокладывая дороги, железнодорожные пути, вырубая леса (ср. Залыгин 1993: 20; Яницкий 1996: 25). Первым из писателей, который описал тупик в социалистическом эксперименте над природой, надругательство над памятью и культурными традициями, стал Распутин. Его отказ от лозунга “Человек – царь природы”, оправдывавший эксплуатацию природной среды и ее ресурсов, призывает задуматься над отношением человека к природе, когда природа из традиционного объекта превращается в активный субъект (ср. Sullivan 2015: 125).

Сенчин начинает с заката Советского Союза, выделяя между строк основные экологические проблемы, которые способствовали этому закату, и предсказывая, что в новом веке старые политические модели противостояния ‘левых’ и ‘правых’ утратят актуальность. Эта отправная точка определяет новую роль природы, которая предстает теперь не как тихая гавань, где вдали от всех можно найти убежище от политики, но как благодатная нива политической ангажированности. Героиня *Зоны затопления* – московская журналистка Ольга, которую редакция посылает для написания материала в “глубинку”, уверена, что в тех местах, куда она направляется проживают упрямые люди, цепляющиеся за старое, тормозящие прогресс. Но оказавшись на месте, в новых для себя обстоятельствах, в гуще незнакомых людей, она начинает понимать, что люди – не “оловянные солдатики”, действующие по кем-то придуманным схемам. Все гораздо сложнее и интереснее. Московская журналистка не может оставаться безучастной наблюдательницей. Она вникает в курс происходящих событий, ей открываются истинные мотивы поступков героев ее журналистского расследования, и из начинающего журналиста она превращается в правозащитницу (Сенчин 2015: 152, 160). Следует отметить, что героиня Сенчина не имеет прототипов в романе Распутина.

Распутин пишет в эпоху “великих идей”, грандиозных проектов, веры в прогресс, в то, что отторжение человека от земли останется его личной трагедией, которая искупится масштабными преобразованиями. Его герой Андрей воплощает в себе ‘новое’ и в столкновении поколений радуется мысли, что остров “на электричество пойдет, тоже пользу будет людям приносить” (Распутин 1978: 98). Затрагивая тему значения природных ресурсов и человеческого фактора для достижения целей модернизации и *блага Родины*, Распутин не видит позитивной картины будущего. То, что ему хорошо понятно и очевидно – это беспокойство тех, кого вынудили отступить на социальную периферию и лишили того, что определяло их самобытность.

Сенчин пишет в наши дни, в эпоху, когда выгода, чаще всего одной единственной личности, выдвигается в основном на первый план. Строительство Богучанской электростанции после распада Советского Союза было исключено из государственных программ и финансирование строительства прекратилось на годы, станцию законсервировали, проект был

возобновлен благодаря частным инвесторам, так что один из персонажей спрашивает недоверчиво, верно ли, что электростанция якобы принадлежит одному человеку (Сенчин, 2015: 200). Кроме того, Сенчин обличает использование старых технологий сорокалетней давности в новом проекте без учета технологических инноваций: река отклонилась от своего русла, огромные территории затоплены, многие люди оторваны насильно от родных мест. В России в XXI веке продолжают строить монстров. Нужна энергия для обработки алюминия, это одна из возможностей реализовать прибыльные бизнес-проекты с зарубежными партнерами, стирая таким образом с карты огромные территории, независимо от ближайших и будущих последствий:

Сколько по Сибири понастроено в последние полвека городов, поселков и сколько брошено... Стоят теперь в болотах, в тундре облупившиеся многоэтажные дома, ржавеют трубы котельных, качели на детских площадках, обваливаются памятники, крошится асфальт тротуаров. Кромешная тишина, какой и в самый глухой тайге не услышишь [...]. А ведь когда-то думали, что селятся там навсегда, обживая дикое место, убеждали себя, что необходимо быть здесь, работать для Родины [...] Но кончился деловой лес, иссякло золото, не нужен асбест, или кобальт, или уголь, просчитались с богатством залежной нефти, поменялись планы военных, и городок становился лишним. И прекращал существовать. Рано или поздно произойдет с Колпинском. [...] Уже идут обсуждения, куда деть все эти тысячи, занятые на строительстве электростанции (Сенчин 2015: 191-192).

В своей интерпретации мы остановимся на четырех критериях чтения, характерных для экокритики.

Первый – это мифография преданного земного рая, тема, заимствованная из жанра пасторали, основанного на представлении о том, что природа отвечает на человеческие эмоции, в частности на ностальгию по утраченной гармонии (ср. Gifford 1999: 2). Отсюда вытекают пространственные различия между городом (беспокойным, коррумпированным, безликим) и сельской местностью (безмятежной, плодородной хранительницей традиций) (ср. Gaillard 2012: 37). Город оказывается не центром культурной жизни и прогресса, а местом, где человек чувствует себя потерянным. Переселенцы воспринимают шумный город, наполненный запахом бензина, угля и железа как искусственный каркас, безличный улей с прямыми улицами, с одинаковыми домами, стоящими в одну линию (Распутин 1978: 181). Сельские жители недовольны бытовыми отходами горожан, увеличивающими “мертвую территорию” (Сенчин 2015: 141). Наряду с пространственными различиями важную роль играют временные различия между прошлым (идеалистическим) и настоящим (отжившим). Забота о разрушении местной экосистемы из-за экономического и индустриального развития напрямую связана с этической стороной проблемы, с процессом моральной деградации человека. Человек традиционного общества противопоставляется новому типу людей, чья система ценностей определяется искоренением и отсутствием памяти. Все переехавшие в город люди чувствуют, что больше

не могут положиться друг на друга (Распутин 1978: 72). Уже перенесенные в город герои романа *Зона затопления* кажутся совершенно другими, изменились, и это можно заметить, когда они временно возвращаются в деревню. Используя различные литературные приемы, автор мотивирует это усталостью, переутомлением, отсутствием субъективности в поведении и действиях. Итак, в обоих романах преобладает романтический взгляд на моральное истощение личности, вызванное потерей связи с прошлым, с предками, с памятью, с природой.

Второй критерий чтения представлен картиной мира, в котором, судя по всему, нет спасения от экологической катастрофы (ср. Morton 2010: 49). Оба рассматриваемых нами автора обладают большим литературным мастерством. Излагая свой взгляд на происходящее, они сосредоточивают внимание не только на мельчайших деталях, но и на картинах, которые под их пером вырастают до символов: сожженные леса, заброшенные дома, умерщвленный домашний скот, брошенные, оставленные дичать животные. Когда Алексей, герой романа *Зона затопления*, возвращается в безлюдную деревню, он видит табун испуганных лошадей, мчащихся куда-то по берегу между водой и лесом (Сенчин 2015: 228). Так же хотелось бы обратить внимание на два незабываемых символа, взятых из нечеловеческого мира. Первый – “листвень”, царственная лиственница Матеры, древнее дерево, дерево-богатырь, которое соответствует мифологическому “древу жизни”. Рабочие, ответственные за выселение жителей с родного острова, так и не смогли победить его ни огнем, ни топором, ни бензопилой. Оно не признает никакой другой силы, кроме своей собственной. Вынужденное покориться неизбежной судьбе, обреченное погибнуть вместе с островом и его жителями, оно останется непобедимым даже под водой. “Листвень” Матеры напоминает дерево из рассказа Льва Толстого *Три смерти* (1859), где оно умирает, но умирает счастливым, превращаясь в крест на могиле крестьянина Федора и открывая дорогу свету для других деревьев. Второй символ – это курица Ирины Викторовны, Чернушка, старейшая в курятнике, которая всегда следует за хозяйкой, как собака. После семидесяти лет жизни в одной и той же избе, Ирина Викторовна, предвидя переезд, убивает своих семерых кур. Сенчин называет эту главу символически “Чернушка”, намекая на русский термин “чернуха” – “черную литературу”, или “нуар”. Курица Чернушка выживает и отправляется в город. Мы не знаем, что с ней будет. В заключительной главе романа, “Идет вода”, становится ясно, что ни для кого не будет счастливого конца. Даже новая деревня, построенная на берегу водохранилища в спешке, без надлежащего планирования, медленно-медленно начинает уходить под воду.

Третьим критерием чтения можно определить глобальную угрозу притеснения местных жителей со стороны правительства и могущественных частных корпораций. Причинами перемен неизменно являются таинственные внешние силы, связанные с городом; отчуждение человека от природы вписывается в дискурс внутренней колонизации. Власть, безразличная к собственному народу, радикально изменяет его жизнь, лишая

его жизненного пространства. Юрий Селезнев предлагает две блестящие метафоры, основанные на различии между землей и территорией. Земля – это то, с чем человек неразсторжимо связан от рождения, “овещественная” родина; территория – элемент государственно-бюрократического языка и практик (Селезнев 1985: 247). Власть насильственно отчуждает людей от их земли, превращая народ, потерявший связь с землей, в население, а землю – в территорию.

Четвертый аспект касается “готизации” окружающей среды, находящейся в опасности. Вынужденное переселение, перемена места затрагивает не только живых, но и мертвых (Concilio 2016: 30). Как Распутин, так и Сенчин с особым пафосом говорят о деревенских кладбищах, описывают эксгумации, подчеркивая, что могилы тысячи умерших оказались затопленными (Распутин 1978: 25-30; Сенчин 2015: 229). Кладбище – это традиционно священное место, связанное с памятью, следом, оставленным человеком на земле: если могилы исчезают под водой, “вместе с ними навсегда исчезает память о человеке” (Астафьев 1997: 281).

То, что казалось такой далекой трагедией, повторяется. Прочитав роман Распутина, один из героев Сенчина сожалеет о том, что ничего не изменилось:

[Автору] именно за эту книгу продолжают давать государственные премии, называть его нашей совестью, а с другой стороны – строить новую, но точно такую же электростанцию, водохранилище которой уничтожит еще несколько деревень, а их жителей превратит из хозяев домов в унылых квартирантов (Сенчин 2015: 204).

Вслед за Юргеном Хабермасом с его идеей “колонизации жизненного мира” (*Kolonisierung der Lebenswelt*) (Habermas 1981), мы можем сказать, что в обоих романах *система*, пытаясь вмешиваться в *мир жизни*, ставит его существование под угрозу. По словам Хабермаса (там же: 214), *система* находит свои характерные элементы во власти (государственной, политической, бюрократической) и в деньгах (экономическая сфера) и жестко регулируется техническими и стратегическими инструментами. *Жизненный мир* (его Хабермас противопоставляет *системе*) характеризуется коммуникативным действием, общими ценностями, спонтанностью и традициями. Хабермас считает, что *система*, в частности государство, с его аппаратом власти и экономическим порядком, то независима от *мира жизни*, то вступает в конфликт с ним. Романы *Прощание с Матерой* и *Зона затопления* доказывают, что власть и деньги (которые характеризуют *систему*) не только существуют сами по себе, но, как правило, разобщают людей, поощряя подобострастие и пассивность. В свете этого анализа, оба автора в различных временных и социально-политических условиях через своих героев призывают нас не жалеть сил в борьбе для защиты *мира жизни* от повторных попыток колонизации, насильственно осуществляемой *системой*.

Литература

- Астафьев 1997: В. Астафьев, *Кража*, в: Он же, *Собрание сочинений в 15 т.*, II, Красноярск 1997, с. 259-485.
- Елизаров 2007: М. Елизаров, *Библиотекарь*, Москва 2007.
- Залыгин 1993: С. Залыгин, *Экологический роман*, "Новый мир", 1993, 12, с. 3-106.
- Лихачев 1985: Д. Лихачев, *Экология культуры*, в: Он же, *Прошлое – будущему: статьи и очерки*, Ленинград 1985 (ор. изд.: "Москва", 1979, 7, с. 173-179).
- Пустовая 2005: В. Пустовая, *Поражены и преображены. О двух взглядах на реализм*, "Октябрь", 5, 2005, <<http://magazines.russ.ru/october/2005/5>> (посл. вход: 22.05.17).
- Разувалова 2015: А. Разувалова, *Писатели-‘деревенщики’: литература и консервативная идеология 1970-х годов*, Москва 2015.
- Распутин 1978: В. Распутин, *Прощание с Матёрой*, в: Он же, *Повести*, Москва 1978, с.13-196.
- Селезнев 1985: Ю. Селезнев, *Золотая цепь*, Москва 1985.
- Сенчин 2015: Р. Сенчин, *Зона затопления*, Москва 2015.
- Яницкий 1996: О. Яницкий, *Экологическое движение в России. Критический анализ*, Москва 1996.
- Bhabha 1994: Н.К. Bhabha, *The Location of Culture*, New York-London 1994.
- Bressler 2009: M.L. Bressler (ed.), *Understanding Contemporary Russia*, Boulder-London 2009.
- Caruth 1996: C. Caruth, *Unclaimed Experience. Trauma, Narrative and History*, Baltimore 1996.
- Concilio 2016: C. Concilio, *Water and Dams*, "Ricognizioni", III, 2016 5, с. 23-33.
- Etkind 2013: A. Etkind, *Warped Mourning*, Stanford 2013.
- Garrard 2012: G. Garrard, *Ecocriticism*, London-New York 2012.
- Gifford 1999: T. Gifford, *Pastoral*, London 1999.
- Glotfelty 1996: C. Glotfelty, *Literary Studies in an Age of Environmental Crisis*, в: C. Glotfelty, H. From (eds), *The Ecocriticism Reader. Landmarks in Literary Ecology*, Athens-London 1996, с. XV-XXXVII.

- Habermas 1981: J. Habermas, *Theorie des kommunikativen Handelns*, II, Frankfurt am Main 1981.
- Huggan, Tiffin 2010: G. Huggan, H. Tiffin, *Postcolonial Ecocriticism. Literature, Animals, Environment*, London 2010.
- Iovino 2015: S. Iovino, *Ecologia letteraria. Una strategia di sopravvivenza*, Milano 2015².
- Morton 2010: T. Morton, *The Ecological Thought*, Cambridge (MA) 2010.
- Roy 2010: A. Roy, *The Cost of Living*, London 2010.
- Sullivan 2015: H.I. Sullivan, *Nature and the "Dark Pastoral" in Goethe's Werther*, "Goethe Yearbook", XXII, 2015, c. 15-132.
- Vogel 2016: F. Vogel, *Fleuves Frontières : La guerre de l'eau aura-t-elle lieu?*, Paris 2016.

Abstracts

Nadia Caprioglio

Colonised Nature. The Economic Exploitation of Land and Local Communities in Valentin Rasputin's Proščanie s Matëroj and Roman Senčín's Zona zatopenija.

This essay analyses the individual's alienation from the natural environment, caused by the commodification of nature. The analysis focuses on the novels *Proščanie s Matëroj* (Farewell to Matyora, 1976) by Valentin Rasputin and *Zona zatopenija* (Flood Zone, 2015) by Roman Senčín and seeks to highlight how literature, both in the Soviet Union and in modern Russia, deals with the critical discourse on environmental issues, the protection of nature, human freedom, and dignity of living beings.

The two novels, written forty years apart, share the same subject: in order to build a hydroelectric power plant, a river will be diverted from its path, vast territories will be flooded, and the inhabitants of a Siberian village will be forced away from their homes. In the light of this affinity, this essay explores according to an eco-critical perspective how, in the Soviet Union as well as in modern Russia, the conflict between nature and culture can be represented through the motives of the clash between the old and the new world, between civilization and wild nature, between urban and natural environment. In particular, the two novels are linked by four cultural criteria: the mythography of betrayed Eden; the representation of a world that offers no refuge from ecological disasters; the threat of a hegemonic oppression conducted either by the State or by powerful corporations at the expense of the local communities; the 'gothicization' of the environment.

Zona zatopenija can be read as a remake of *Proščanie s Matëroj*, insofar as it denounces a system in which the technological innovations achieved over half a century do not seem to be taken into account. At the same time, however, Senčín's novel, starting from the end of the Soviet Union, highlights the environmental problems that have contributed to the end of the regime and suggests that old political models are no longer tenable in the new era. This starting point plays an important role, for it defines nature no longer as a shelter from politics, but as a potential form of civil activism.

La natura colonizzata in Proščanie s Matëroj di Valentin Rasputin e Zona zatopenija di Roman Šenčin. Sfruttamento economico della terra e comunità indigene

Il presente saggio si propone di analizzare l'alienazione dell'individuo dal proprio ambiente naturale causata dalla mercificazione della natura, com'è espressa nei romanzi *Proščanie s Matëroj* (Il villaggio sommerso, 1976) di Valentin Rasputin e *Zona zatopenija* di Roman Šenčin (Zona di allagamento, 2015), allo scopo di evidenziare come la letteratura prima sovietica, in seguito russa, affrontino il discorso critico sulle questioni ambientali, la tutela della natura, della libertà umana e della dignità degli esseri viventi.

I due romanzi, a distanza di quarant'anni, presentano lo stesso soggetto: vicino a un villaggio della Siberia si costruisce una stazione idroelettrica, per cui il fiume sarà deviato dal suo percorso, vasti territori saranno allagati e gli abitanti forzatamente allontanati dal loro luogo natio. Alla luce di questa affinità, il saggio esplora in una prospettiva eco-critica il modo in cui nell'Unione Sovietica e nella Russia attuale il conflitto tra natura e cultura si manifesta esteticamente attraverso i motivi dello scontro fra vecchio e nuovo mondo, civiltà e natura selvaggia, ambiente urbano e naturale.

In particolare, i due romanzi sono messi in relazione secondo quattro criteri culturali: la mitografia dell'Eden tradito; la rappresentazione di un mondo che non conosce rifugio dalla catastrofe ecologica; la minaccia di un'oppressione egemonica da parte dello Stato o di potenti corporazioni in contrasto con le comunità locali minacciate; la 'goticizzazione' dell'ambiente rappresentato.

Zona zatopenija può essere letto come un *remake* di *Proščanie s Matëroj* per la denuncia di un sistema che non tiene conto delle innovazioni tecnologiche raggiunte nell'arco di quasi mezzo secolo. Al tempo stesso, tuttavia, il romanzo di Senčin, muovendo dalla fine del comunismo sovietico, evidenzia i problemi ambientali che hanno contribuito a questa fine e suggerisce che nella nuova era i vecchi modelli politici non sono più validi. Questo punto di partenza svolge una funzione importante, poiché definisce la natura non più come un rifugio dalla politica, ma come una potenziale forma di impegno civile.

Keywords

Russian Literature; Ecocriticism; Water; Valentin Rasputin; Roman Senchin.